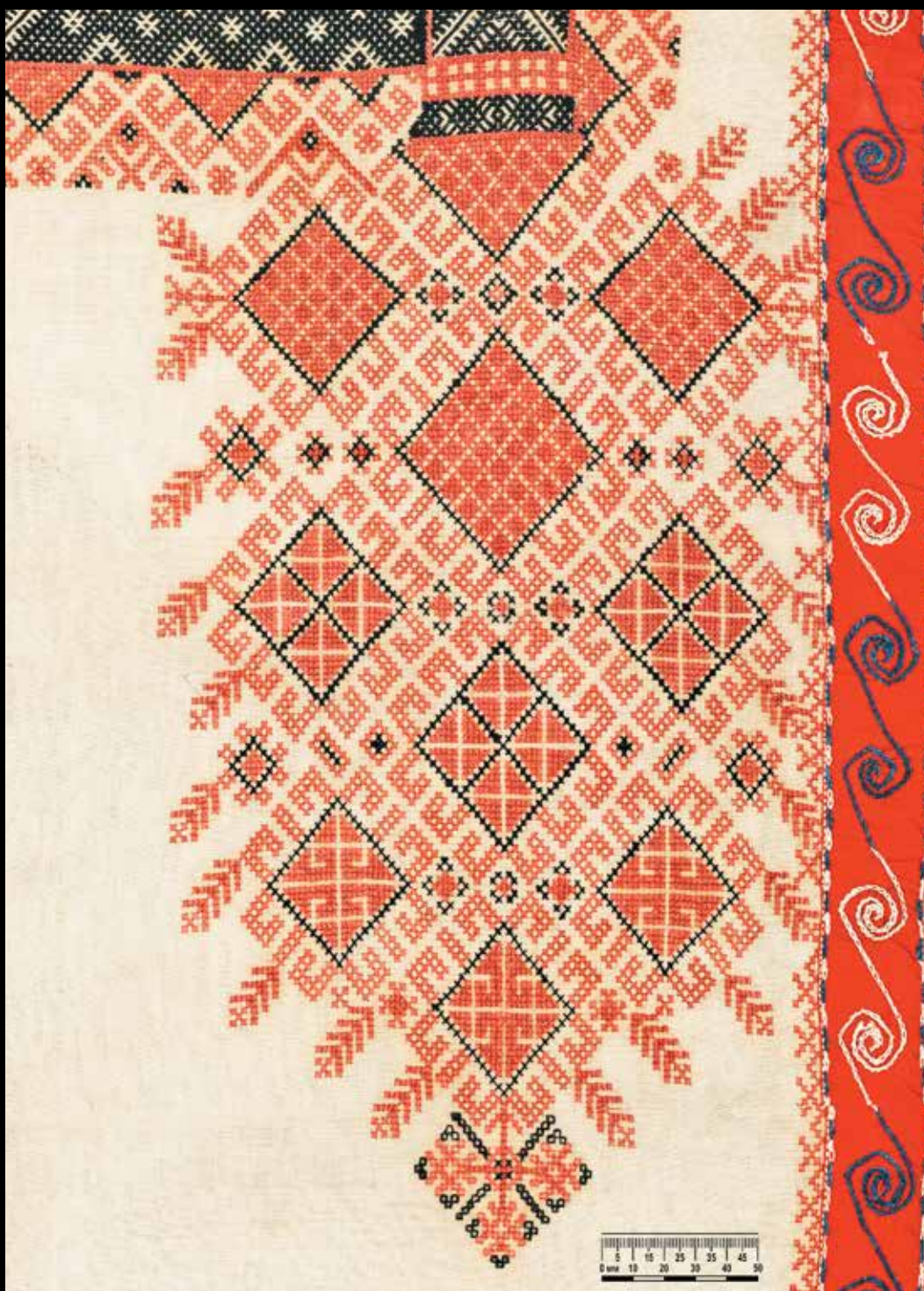

ЖИВАЯ СТАРИНА

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ОНЕЖСКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

- Еще раз о значимости «большой воды» для поморов (лексические данные)
- Летние праздники Поонежья

ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИЙ РЭМ

- Русский безмен: материальность и (не)справедливость
- От сакральности к дизайну: подвесные конструкции из соломки в собрании Российского этнографического музея

ЭКСПЕДИЦИИ

- Современные конструкции поморских лодок

Оберег для ребенка
(Архангельская область)

«Соломина поднимает хлеб к солнцу» мастериц Антосе Чюпайлене (1922 г.р.) и Марии Заланскайте Люгене (1943 г.р.).

Литература

1. *Байбурун А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

2. *Богуславская И. Я.* Русское народное искусство: Краткая энциклопедия. СПб., 2009. (Русский музей представляет: Альманах; Вып. 247).

3. *Галиона В. А.* Орудия морского зверобойного промысла и наземной облавной охоты островных шведов Балтики второй половины XIX — начала XX в. в собрании Российского этнографического музея // Скандинавские чтения 2010 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Сост. Т. А. Шрадер. СПб., 2012. С. 437–455.

4. *Гиль В. Н.* Павук — оберег и украшение // Народное творчество. 1999. № 4. С. 32–33.

5. *Дмитриев В. А., Калашиникова Н. М.* Развитие концепции комплектования коллекций в истории Российского этно-

графического музея // Музей. Традиции. Этничность. 2017. № 1. С. 5–19.

6. *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994.

7. *Засецкая М. Л.* Собрание по этнографии скандинавских народов и немцев-колонистов // Материалы по этнографии. Т. 2 / [Науч. ред. О. М. Фишман]. СПб., 2004. С. 114–135.

8. *Кабакова Г. И.* «Паук» // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2009. С. 648–649.

9. *Карнаухова Л. Л.* Наследие «Кежемской Атлантиды» // Первая Таймырская музейная интернет-конференция «Сферы взаимодействия Таймырского краеведческого музея: традиции, современность, новации»: Сб. тр. Дудинка, 2012. С. 27–33.

10. *Колмыков В.* Мордовское соломенное кадило // Народное творчество. 1993. № 3–4. С. 42.

11. *Лобачевская О. А.* Плетение из лопки. М., 2000.

12. *Максимов С. В.* Год на Севере. М., 1890.

13. Программа для собрания этнографических предметов. СПб., 1903.

14. *Романюк М. Ф.* Художественная соломка Белоруссии. Творчество В. И. Гаврилюк и Л. Г. Головацкой // Народные мастера. Традиции, школы / Под ред. М. А. Некрасовой. М., 1985. С. 194–205.

15. *Супинский А. К.* Белоруссия и БССР. Л., 1934.

16. *Усачёва В. В.* Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

17. *Шкут Н. Н.* Белорусские художественные промыслы. Минск, 1985.

18. Эстонские обычаи и традиции / [Сост. Ю. Тедре; Пер. с эст. И. Кингс]. Таллин, 1991.

19. *Koski E.* Himmeli. Helsinki, 2013.

20. *Riemann E.* Ostpreußische Volkskunst // Volkskunst in Ostpreussen. Hamburg, 1984. S. 3–28.

21. *Seweryn T.* Les «Podlązni». Cracovie, 1932.

22. *Tumėnas V.* Šiaudiniu «Sodų» simbolikos archetipai // Sodo rėda. Vilnius, 2012. P. 5–26.

См. также ил. на 2-й с. обложки

Олег Викторович Лысенко,

канд. ист. наук, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Людмила Петровна Махова,

Научный центр народной музыки им. К. В. Квитки Московской гос. консерватории им. П. И. Чайковского

ЛЕГЕНДАРНАЯ РУБАХА ИЗ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ (топонимическая атрибуция и этническая идентичность)

Этническое проявляется, в частности, в стереотипных реакциях на визуальные образы, которые складываются как в этнокультурной традиции, так и в восприятии внешним наблюдателем, в зависимости от аналитических стратегий, исследовательских и практических задач. Требуется особый подход при исследовании вещи как транслятора этничности, которая имманентно присутствует в этнографическом объекте¹. Только при системном описании и анализе конструктивных, функциональных и семантических характеристик артефакта, музейного экспоната, этничность получает шанс проявиться вновь.

Это в полной мере относится к комплексам одежды и их отдельным компонентам. Причем комплекс в целом — костюм — может манифестировать общие значения, а компоненты — раскрывать детали (фрагментировать целое), в которых этничность может быть артикулирована на уровне мельчайших фрагмен-

тов: технологии — принципов работы с материалом (например, разрывания ткани руками), крутки нитей, их расположения в текстуре ткани, цветового кода (соотношения орнаментальных элементов и основного полотна) и т.д.; на уровне функциональных характеристик — одежда сезонная, производственная, праздничная, свадебная; параметров, связанных с локализацией объекта, его местом хранения, временными циклами и другими характеристиками.

В рамках комплексного исследования традиционной одежды старожилов Сибири по программе Российского этнографического музея «Исследование в области архаичных технологий текстиля» для системного описания была выбрана неоднократно публикованная в альбомах, посвященных народному костюму, мужская рубаша (ил. 1, см. также ил. на 1-й с. обложки) старообрядцев-«поляков»², представляющая большой этнографический интерес. В основе своей она является

типичной русской рубахой, но имеет ряд деталей, неизвестных ни севернорусскому, ни южнорусскому регионам. В то же время в выставочных проектах и музейных каталогах она представлена в комплексах одежды, составленных из различных этнически маркированных компонентов, обычно со штанами «каменщиков»³, другой этнической группы русского старожильского населения Алтая и с неоднозначной атрибуцией «костюм Семипалатинской губернии»⁴.

Следует отметить историю появления рубахи в фондах Российского этнографического музея (РЭМ). Из поездки по Томской губернии великий князь Владимир Александрович Романов привез несколько вещей. Он «путешествовал по губернии целый месяц, объездив всю ее южную часть, — указывает научный сотрудник Государственного архива Томской области Виктор Гахов. — В Томск великий князь прибыл 22 июля (10 июля по ст. ст.) 1868 года» [5]. За год до этой поездки, в 1867 г., в Москве состоялась Первая Всероссийская этнографическая выставка. А в 1869 г. князь стал выполнять обязанности товарища президента Академии художеств. Возможно, Владимир Александрович проявил интерес к одежде старожилов Томской губернии, образцам народного искусства, интересным с художественной точки зрения, которые и передал в 1902 г. в собрание Дашковского музея, а в 1948 г. они поступили в РЭМ вместе с фондами Музея народов [8. С. 152]. Из коллекции великого князя опубликованы три вещи: мужская рубаша (ил. 1), мужская шляпа («гречневик», ил. 1, 3, 4), а также женский нарукавник (передник)⁵. Мужская рубаша (ил. 1) получила

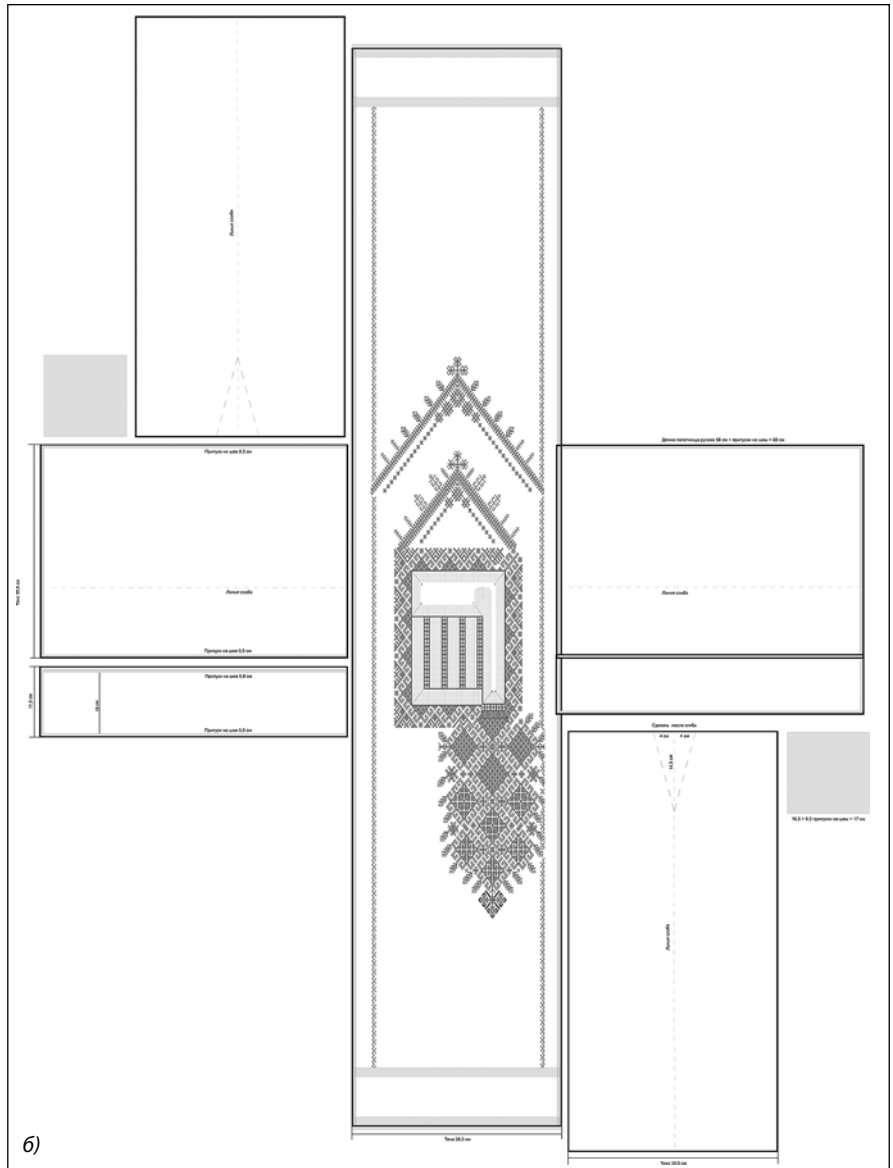

Ил. 1: а) «Костюм» жениха или молодого женатого мужчины. <...> Русские, [старообрядцы-«поляки»]. [Томская губерния]**. Вторая половина XIX в.» [8. Ил. 8]; б) Крой мужской рубахи

* Комментарии к компонентам костюма в каталоге выставки (адреса не указаны): «1. Рубаха. <...> Колл. № 999872–1485 “Т” (в английском переводе номер 8762–1485 “Т” указан верно. — О. Л., Л. М.). 2. Брюки “чамбары”. <...> Колл. № 5158–24. 3. Пояс. <...> Колл. № 5091–15. 4. Сапоги. <...> Колл. № 7075–37/1, 2. 5. Шляпа мужская праздничная. <...> Колл. №№ 8762–1667 “Т”. Колл. №№ 8762–1485 “Т” и 1667 “Т” дар В[еликого] К[нязя] Владимира Александровича» [8. С. 152].

** При публикации указан другой адрес: «Семипалатинская губерния». Название этнографической группы русского старожилого населения Алтая (старообрядцы-«поляки») отсутствует.

Адреса из описей коллекций РЭМ: Рубаха и шляпа — Крутоберёзовская вол. Алтайского горного округа [с. Лосиха = с. Верх-Убинское], дар вел. кн. 1868 г. Брюки — д. Быкóво [поселение каменщиков на реке Бухтарме]; пояс — с. Прапорщиково, район рек Убы и Ульбы [территория поселения «поляков»]. Собиратель А. Н. Белолюдов, 1912–1914 гг. (приобретены РЭМ в 1925 г.).

регистрационный номер 8762–1485 «Т», а в книгу первичной регистрации в 1954 г. было внесено формальное описание с целью идентификации музейного предмета:

09.08.54 г. Дар кн. Владимира Александровича. 1869 г. Рубашка мужская из белого домашнего холста, сшитая из цельных прямых полотнищ, без швов на плечах. На подоплеке из грубого холста. Рукава прямые, широкие, без манжет, с четырехугольными ластовицами из кумача. Без воротника, грудной разрез слева. На продольные швы нашиты полосы кумача (шир. 4 см.), вышитые тамбурным швом синей и белой бумагой, узор из спиралевидных завитков. Шейный и грудной разрезы обшиты шнуром, сплетенным из красной бумаги. На груди и на спине вышивка крестом черным шелком и красной бумагой, рисунок геометрический. Подол рубахи и концы рукавов украшены полосами кумача и вышивкой гладью красной бумагой и синим шелком. К концам рукавов пришиты вязаные домашние кружева. (Алтайский горный округ, Крутоберезовская волость).

Для составления научного описания объекта и подготовки электронного ресурса в музее было проведено системное исследование рубахи с использованием компьютерных технологий, сделаны обмеры (ил. на 2-й с. обложки), технологические карты, схемы (ил. 1б), прорисовки всех конструктивных элементов. Проведены исследования работы в комплексных этнографических экспедициях и краеведческих музеях региона.

В книгу первичной регистрации РЭМ внесен адрес происхождения рубахи — «Алтайский горный округ». Территория Кольвано-Воскресенских заводов с 1804 г. стала южной частью Томской губернии [15. С. 109]. С 1834 по 1896 г. интересующее нас административно-территориальное образование имело двойное подчинение — Томской губернии и Канцелярии Горного ведомства. Алтайский горный округ (ил. 2) располагался в пределах ныне существующих Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, республик Алтай и Хакасия, а также Республики Казахстан. На территории Кольвано-

Воскресенского (с 1834 г. — Алтайского) горного округа проживали разные этнографические группы старожилов Сибири: сибиряки, старообрядцы-«поляки» (как государственные крестьяне, так и приписанные к заводам и рудникам), ясачные «каменщики»; сословные группы составляли казаки и горнозаводские рабочие («бергальи»).

История переселения старообрядцев-«поляков» на Алтай ведет свой отсчет с момента вступления на престол Екатерины II, которая манифестом 1762 г., в частности, пригласила возвратиться в Россию бежавших в Польшу старообрядцев. При водворении на новых местах в Сибири им были гарантирова-

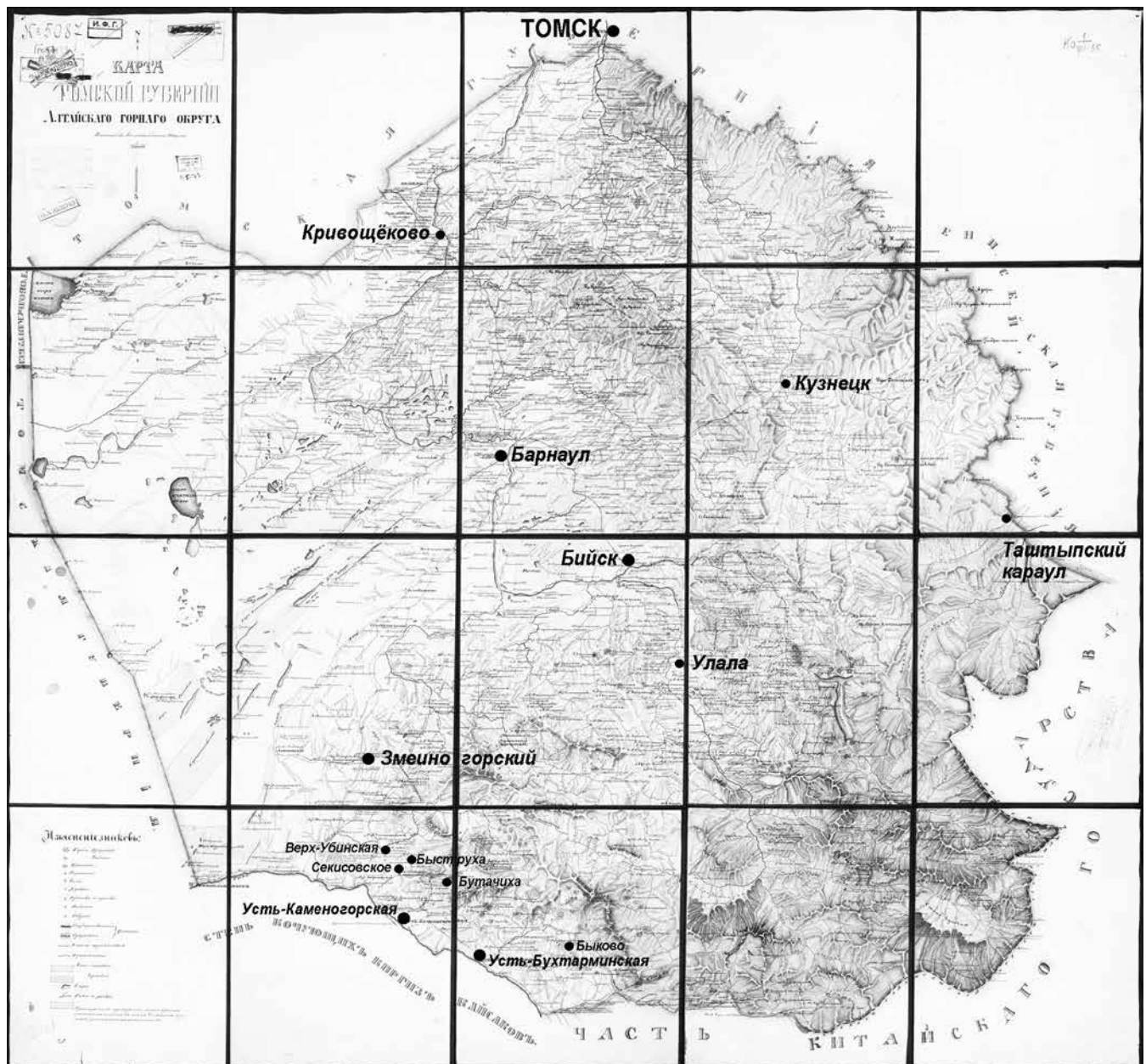
ны полные гражданские права, свобода богослужения по старым книгам, право носить старинную одежду, а также освобождение от всяких податей и работ на шесть лет. К указу Сената от 14 декабря 1762 г. был приложен «реэстр» мест, назначенных для поселения раскольников. В Сибири: 1) в Сибирской губернии, на Барабинской степи и 2) «в той же губернии, на состоящих в ведомстве Усть-Каменогорской крепости, по рекам Убе, Ульбе, Берёзовке, Глубокой и по прочим впадающим речкам во она и в Иртыш реку местах» (цит. по: [21. С. 3]).

Историк Ю. С. Булыгин со ссылкой на Государственный архив Алтайского края⁶ указал: «Заселение ведомства Усть-

Каменогорской крепости «поляками» началось в 1766 году» [3. С. 97]. Архиепископ Томский Д. Н. Великов отмечал, что старообрядцев из Польши «особенно много в Алтайских горах, по рр. Убе, Ульбе, Глубокой и прочим притокам Иртыша с правой стороны» [1. С. 39].

В описи рубахи 8762–1485 «Г» (ил. 1а) нет сведений о том, в каком именно населенном пункте великий князь получил в дар или приобрел мужскую рубаху — известна только Крутоберёзовская волость (волостное правление, согласно данным Г. Д. Гребенщикова, находилось в селе Лосиха [6. С. 26]).

В 1771 г. П. С. Паллас указал в междуречье рек Убы и Ульбы два поселения

Ил. 2. Сборный лист карты Алтайского горного округа Томской губернии. Конец XIX в. (1896 г.)* [9]

* Кривощёково — будущий г. Ново-Николаевск (1903, ныне Новосибирск); Кузнецк — ныне Кузнецкий р-н Новокузнецка Кемеровской обл.; Таштыпский караул — ныне с. Таштып Таштыпского р-на Республики Хакасия; Улала — ныне Горно-Алтайск; Бийск и Змеиногорский — центры уездов (Бийского и Змеиногорского), ранее крепости Кольвано-Кузнецкой казачьей линии; Усть-Каменогорская — ныне г. Усть-Каменогорск (административный центр Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан); Усть-Бухтарминская — затоплена после постройки Бухтарминской ГЭС; Быково — село «каменщиков» на реке Бухтарме — ныне в Зырянском р-не Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан.

с одинаковым названием: казачью Верх-Убинскую защиту и деревню «сега же имени» [14. С. 272]. В 1898 г. М. В. Швецова, автор первой большой статьи (монографии), посвященной описанию традиционной культуры старообрядцев-«поляков», побывала в пяти волостях Змеиногорского округа и назвала 21 поселение «поляков», из которых семь относились к Владимирской волости: «с. Верх-Убинское или Лосиха, Секисовское, д. Быструха, Малая Убинка, Волчиха, Зимовская и Александровская» [21. С. 21]. Исследовательница без колебаний отнесла Верх-Убинское к селениям «поляков», сообщив, что оно имеет и второе название — Лосиха, так как деревни «поляков» Верх-Убинская, Секисовская и Бобровская⁷ возникли рядом с казачьими поселениями на новой Кольвано-Кузнецкой линии.

Этнограф В. А. Липинская отметила: «Среди поселений старожилов особый интерес представляют селения, в названиях которых есть суффиксы *-их*, реже *-ух*, *-юх*, *-ых*. В Европейской части [России] они устойчиво связываются с расселением старообрядцев. Эти суффиксы наиболее распространены в Среднем Поволжье, откуда плотной полосой идут на Вятку, через Урал к Томску и далее расходятся веерообразно в южную Сибирь и на восток до Тихого океана. На Алтае такие названия встречаются повсеместно (Выдриха, Тележиха, Повалиха, Прослауха и пр. Это может считаться одним из свидетельств широкого расселения здесь староверов. Лишь местности более позднего заселения: северо-запад (Славгородский р-н) и юго-восток (Горно-Алтайская область) — обеднены ими» [10. С. 88].

Таким образом, мы можем считать с. Верх-Убинское поселением казаков, а возникшую рядом Лосиху — селом старообрядцев-«поляков».

Многие поселения «поляков», по мнению Швецовой, представляют собой «выселки» из первых освоенных мест, «большая часть из с. Секисовского, про которое его жители говорят: «Наша Секисовка плодущая матка была — никак десять роев отсадила». Действительно, выходцами из Секисовки основаны все шесть польских селений Риддерской⁸ волости и четыре Владимирской — Быструха, Малая Убинка, Волчиха и Зимовская» [21. С. 21–22]. На карте (ил. 2) села старообрядцев-«поляков» в ведомстве Усть-Каменогорской крепости располагаются компактно по правобережным притокам Иртыша (см. второй квадрат слева в нижнем ряду)⁹.

Фотография (ил. 1а) опубликована в издании «Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея» (1995) с подписью: «Костюм жениха или молодого женатого мужчины. Русские. Семипалатинская

Ил. 3. Костюм* жениха. Русские. Старообрядцы-«поляки». [Томская губерния]. Вторая половина XIX в. — 1914 гг. [18. Ил. 184]

* Комментарии к составляющим костюма в публикации 1984 г.: «Костюм жениха. Середина XIX в. — 1920-е гг. [?] Семипалатинская губ. [?] и у. [?], д. Секисовка [?]. Старообрядцы. Рубаха. 5091–17. <...> Пояс. 5091–11» [18. Комментар. к ил. 184]; «Чамбары (штаны) <...> с. Быково. 5158–24» [18. Комментар. к ил. 183]; «Шляпа <...> 1667 “Т” [18. Комментар. к ил. 182]».

Адреса из описей коллекций РЭМ: шляпа — Крутоберёзовская вол. Алтайского горного округа [с. Лосиха = с. Верх-Убинское], дар вел. кн. 1868 г. Рубаха — д. Быструха, пояс — без адреса; район рек Убы и Ульбы [территория поселения «поляков»]. Брюки — д. Быково [поселение «каменщиков» на реке Бухтарме]. Собиратель А. Н. Белослюдов, 1912–1914 гг. (приобретены РЭМ в 1925 г.).

губерния [?]. Вторая половина XIX века» [8. Ил. 8. С. 37]. Датировка костюма условна и связана со временем приобретения рубахи и шляпы в 1868 г., а весь костюм отнесен к Семипалатинской губернии, которая появилась только в 1920 г.

Сравним подписи к публикациям аналогичных костюмов. Другая рубаха старообрядцев-«поляков» из коллекции А. Н. Белослюдова (ил. 3) опубликована в художественном альбоме «Русский народный костюм» (1984) в комплек-

се с теми же брюками («чамбарами») бухтарминских «каменщиков» и с той же шляпой «поляков», при этом имеет подпись: «Костюм жениха. Середина XIX — 1920-е гг. [?] Семипалатинская губерния [?] и у., д. Секисовка [?]. Старообрядцы» [18. Ил. 184].

Сотрудникам музея известно, что алтайские фотографии из коллекции А. Н. Белослюдова (РЭМ, № 5572) датированы 1912–1914 гг.¹⁰ Именно в эти годы им были собраны и коллекции вещей «поляков» (РЭМ, № 5091) и «каменщиков» (РЭМ, № 5158).

Возникает вопрос: почему в комментариях к фотографии костюма указано село Секисовка, не соответствующее ни одному из его компонентов (!). Рубаха, например, была привезена Белослюдовым из деревни Быструха, адрес брюк и шляпы — см. комментарий к ил. 1. Непонятно, почему исчезло название субэтноса (особой этнографической группы) старообрядцев-«поляков», так как в примечании к коллекции 5091 указано, что вещи собраны в «район[е] рек Убы и Ульбы» (!) — изначальном месте поселения «поляков» на Алтае. Отметим, что д. Быструха и с. Секисовка входили во Владимирскую волость Змеиногорского уезда Томской губернии до 1917 г.

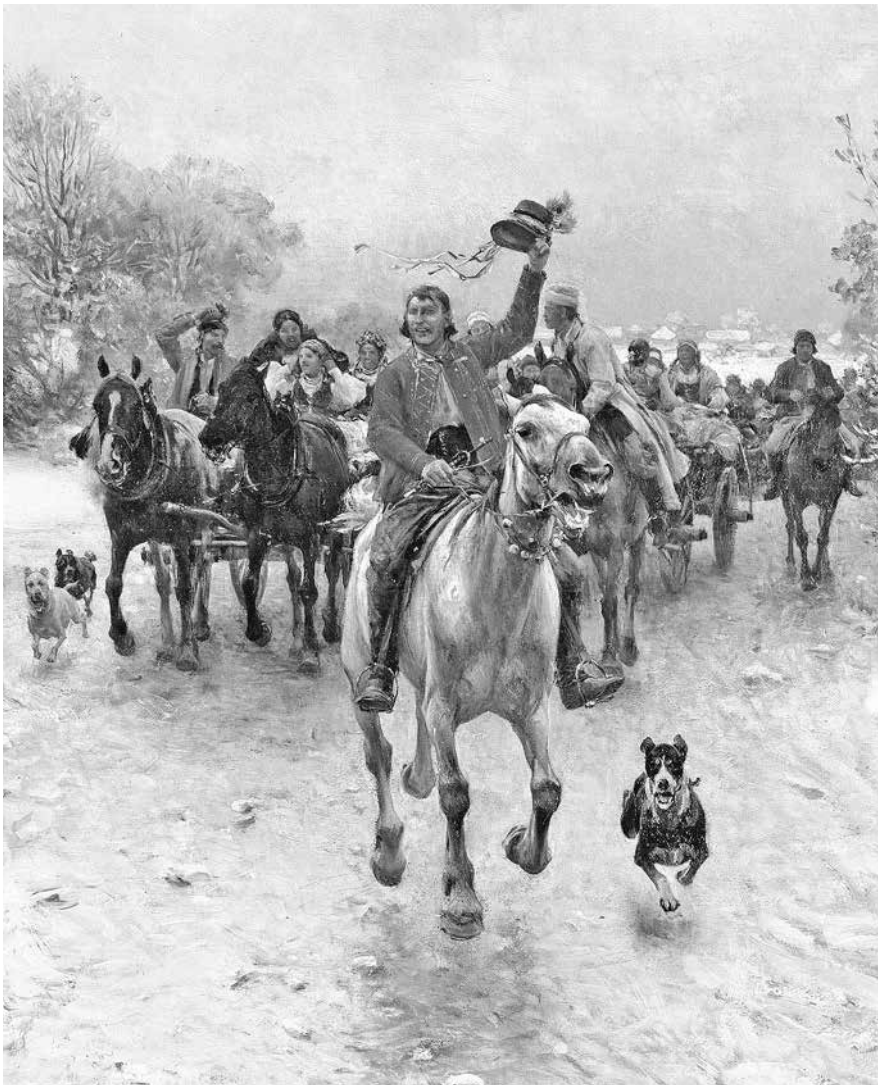
Что отличает эти два костюма, кроме разных рубак и их локализации? Как по костюму отличить жениха от женатого мужчины? Ответом на один из вопросов может послужить... шляпа, точнее ее ленты!

Ил. 4. Шляпа («гречневик»*) [с лентами жениха]. Русские. Старообрядцы-«поляки». Крутоберёзовская волость Алтайского горного округа Томской губернии. 1868 г.

* Шляпа в книге регистраций имеет следующее описание: «8762–1667 “Т”. Дар великого князя Владимира Александровича. 1869 г. “Гречневик” — шапка мужская, шерстяная, валяная, чёрного цвета, цилиндрической формы с полями (6 см.). Тулья снаружи, у нижнего края украшена полосами красного сукна, на которые нашиты розетки из зелёного и красного гаруса с пуговицами и бахромы из лилового гаруса с бисеринками на концах. Наверху шляпы — бахромы из зелёного гаруса. Алтайский гор[ный] округ. Крутоберёзовская [вол.]».

В качестве лент жениха можно рассматривать как две полосы красного сукна (в центре), так и два конца ленты лилового цвета (справа).

Ил. 5. А. Ковальский-Веруш. Свадебный поезд (Свадебная процессия). Частное собрание (фрагмент)

Известны три фотографии одной и той же шляпы «поляков», опубликованные с разными адресами и даже с указаниями принадлежности коллекциям разных собирателей.

Первая публикация была осуществлена в альбоме «Русский народный костюм» (1984) с подписью, в которой не только перепутаны инициалы в имени собирателя, но сам собиратель указан неверно (см. выше: коллекция № 8762 принадлежит вел. кн. Владимиру Александровичу Романову): «Шляпа (мужской головной убор). Середина XIX в. Семипалатинская губ. [?] и у. [?] д. Секисовка [?]. Старообрядцы. <...> Выс. 18, шир. 35. 1667 “Т”. Собиратель Н. [?] А. [?] Белослюдов (1925)¹¹, публикуется впервые» [18. Коммент. к ил. 182]. Вторая фотография той же шляпы была опубликована на официальном сайте РЭМ¹² с подписью «Гречневик» и ныне находится на другом интернет-ресурсе (English Russia, 2006–2018)¹³. Третья публикация (ил. 4) — самая «показательная» с точки зрения демонстрации лент на мужской шляпе. Фото также было раз-

мещено на официальном сайте РЭМ (в данный момент отсутствует). На выставке РЭМ «Головные уборы» (2014)

Ил. 6. Старообрядцы-«поляки» Змеиногорского уезда. [1912 г.]. ОГИКМ, 4255–20

шляпа старообрядцев-«поляков» демонстрировалась с подписью: «Русские. Алтайский край»¹⁴.

Ленты на шляпе жениха, близкой этнокультурной традиции того же времени, изобразил на двух своих картинах польский художник-реалист А. Ковальский-Веруш, родившийся в Сувалках Августовской губернии Российской империи (ныне — Польша). Приведем одну из них (ил. 5): жених скачет впереди процессии верхом на лошади; в его руках шляпа, на которой развеваются ленты.

Картина отражает восприятие традиции художником, а для нас является историческим свидетельством этнографической действительности¹⁵. Другое достоверное свидетельство — исторические фотографии.

Одна и та же фотография старообрядцев-«поляков» (мужчины и женщины) начала XX в. (см. 2-ю с. обложки) находится в двух музеях: Российском этнографическом музее (РЭМ, № 4096–6, кол. С. П. Швецова) и Омском государственном историко-краеведческом музее¹⁶ (ОГИКМ, 4255–10). В публикациях Е. Ф. Фурсовой (1997) и Д. А. Баранова (2010) имеет разные подписи, соответственно: «Старообрядцы-“поляки” Змеиногорского уезда, 1912 г. Фото А. Е. Новосёлова» [20. Рис. 146. С. 116] и «Мужчина и женщина в повседневной одежде, д. Бута[чи]ха» [4. С. 122].

При суммировании обеих подписей получаем более полную информацию: мужчина и женщина (старообрядцы-«поляки», предположительно муж и жена) в праздничной (!) одежде, д. Бутачиха (ныне с. Бутаково) Риддерской волости Змеиногорского уезда Томской губернии. На праздничность наряда указывает головной убор жен-

Ил. 7. Повязывание пояса в Западном Полесье (а, б — белорусы) и в селах Южного Алтая (в, г — старообрядцы-«поляки»):

а) Фрагмент фотографии «Сяляне ў штодзённым адзенні» (Крестьяне в повседневной одежде). Начало XX в. Пинщина [Брестской области Белоруссии] [17. Ил. 123. С. 84, в разделе «Западное Полесье. Пинско-Ивацевичский наряд (“строй”)»];

б) Женщина в горсете. 1930-е гг. Тышковичи. Ивановский район Брестской области Белоруссии [17. Ил. 49. С. 48, в разделе «Западное Полесье. Мотольский наряд (“строй”)»];

в) Девичий костюм. 1910-е гг., села Быструха и Черемшанка [Змеиногорского уезда Томской губ.], ныне в составе Глубоковского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан [19. С. 27];

г) Праздничный костюм молодухи. 1910–[19]20 гг., с. Черемшанка Риддерской волости [19. С. 25]. (Риддерская волость до августа 1920 г. входила в Змеиногорский уезд Томской губернии, с августа 1920 г. по январь 1928 г. — в Усть-Каменогорский уезд Семипалатинской губернии)

щины — кичка и кокошник с золотным шитьем. Согласно материалам этнографических экспедиций одного из авторов данной статьи, в обычные дни вместо кички женщины повязывали платок, а мужчины подобные вышитые рубахи надевали в праздники, не только на свадьбу, но и каждое воскресенье, собираясь на утреннюю службу в церковь. Мужчина на фотографии (судя по бороде) не является женихом, а по возрасту его статус можно определить как «давно женатый мужчина».

Рубахи с аналогичной вышивкой вокруг ворота носили также молодые парни не только как женихи в день свадьбы, об этом свидетельствует фотография начала XX в. из архива Омского государственного историко-краеведческого музея (ил. 6). Второй справа — молодой парень в рубахе с вышивкой на груди. Рубаха имеет вышивку несколько иной композиции, но по геометрии квадрата в области горловины она аналогична рубахам, зафиксированным на ил. 1а, 3 и на ар-

хивной фотографии, опубликованной на 2-й с. обложки.

Что может стать проявлением этничности в костюме? — пояс, как наиболее динамический компонент в структуре костюма. Его можно завязать — развязать — перевязать, не разрушая целостности надетого на человеке костюма. Если разместить рядом две фотографии музейных комплексов традиционной одежды (ил. 1а, 3), то для этнографа или этнолога, фольклориста или практикующего этномузыколога вполне закономерно возникнет вопрос: с какой стороны — справа или слева — традиционно мужчины повязывали пояс? Кроме того, обращает на себя внимание некоторая избыточная длина этого пояса. Согласно экспедиционным данным одного из авторов этой статьи, старообрядцы-«поляки» — девушки, молодухи и молодые мужчины Алтая, а также старообрядцы-«семейские» Забайкалья — молодые мужчины с. Большой Куналей¹⁷ Тарбагатайского района Республики Бурятия — повязы-

вают пояс по-полесски, и, что особенно интересно, на это не обратил внимания никто из наших предшественников, хотя обе ветви старообрядцев имеют ветковско-стародубское происхождение. Полесский способ повязывания пояса подтверждают и публикации Т. Г. Шарабариной¹⁸, научного сотрудника Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (ил. 7).

Отмеченные нами неточности, возникающие вследствие или обобщения имеющейся информации, или стремления к унификации географической атрибуции в процессе каталогизации вещи, ставшей музейным предметом, так же как и относительно произвольная компоновка костюма, без учета локальной вариативности деталей и форм, способов оперирования ими, на наш взгляд, вполне закономерны и представляются нам не ошибками при публикациях или экспонировании, а скорее индифферентностью культур-

трегерского похода к этнографическому факту и музейному высказыванию как научно обоснованному, концептуальному феномену.

Понятия «национальный костюм» или «региональный костюм», и в частности «типичная русская рубаха» на уровне обыденного сознания носителей традиции, — это обобщения, за которыми скрываются варианты этничности, среди которых географическая и этнокультурная составляющая. Видеть подобное — значит видеть одинаковое, несмотря на имеющиеся различия. Именно так появляются понятия «русский костюм», «костюм старообрядцев-«поляков» Алтая», «украинский костюм», «костюм этнографических групп населения Карпат и Буковины», «польский и белорусский «строй»» и т.д. Очевидно, что так называемые национальные костюмы аккумулируют всё многообразие форм и деталей одежды доступных им локальных этнокультурных традиций как элементы, структурные единицы, части целого, представляющие своеобразную комбинаторику, понятную владельцу костюма или экзегету. «Национальный костюм» предполагает возможность его последующей деконструкции в процессе осмысления.

Примечания

¹ В этнографическом музее для каждого музейефицированного объекта этнический признак оказывается доминантным. Этничность становится фундаментом, на котором выстраивается бытие целостного этнографического факта в традиции и в музее, сохраняющем артефакты этнических культур, разбросанных во времени и пространстве и зафиксированных в исторической памяти. Этническое инкорпорировано в этномузеологическое наследие как целостный объект. Подробнее см.: [11].

² Переселившихся после 1763 г. на Алтай из Ветки и Стародуба русских раскольников (старообрядцев) местное старожилческое население прозвало «поляками» как пришедших из Польши, в противоположность ранее обосновавшимся здесь «сибирякам». Впервые поселения «поляков» на Алтае описал естествоиспытатель, географ и путешественник, член Академии наук Петр Симон Паллас (1741–1811) в своем «Путешествии по разным провинциям Российской империи». Описание путешествия Палласа начало выходить в свет частями на немецком языке прежде, чем само путешествие было закончено (1771, 1773, 1776), в русском переводе книга выходила в 1773, 1786 и 1788 гг. Далее цитируется русское издание [14].

³ Горная часть Алтая известна под названием Камня, поэтому ее жители именовались «каменщиками». С 1740-х гг. «в Камень» уходили представители разных сословий: крестьяне, горнозаводские рабочие, солдаты от пожизненной

службы и старообрядцы. Поскольку их нахождение в горах было тайным, налогов в казну «каменщики», занимавшиеся промысловой охотой, не платили. В 1790 г. они обратились к Екатерине II с просьбой принять их в подданство на правах инородцев. После рескрипта от 15 сентября 1791 г. мужское население стало платить дань — ясак в виде пушнины и звериных шкур. В 1792 г. вместо мелких поселений возникло 9 деревень (среди них д. Быкова), в которых по переписи 1835 г. числилось 326 мужчин и 304 женщин, всего 630 душ [2. С. 15]. Алтайским «каменщикам» посвящена статья С. И. Гуляева, изданная в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1845 г. [7]. В 1927 г. комплексное этнографическое обследование района р. Бухтармы, правого притока Иртыша, осуществили ленинградские этнографы Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова. Результатом их работы стал сборник [3].

⁴ Фотография комплекса мужского костюма с брюками («чамбарами») старообрядцев-«поляков» из Бийского уезда Томской губернии (РЭМ: кол. 568–06, соб. Д. А. Клеменц, год сбора 1904) опубликована в [13. Ил. 25. С. 41].

⁵ В 1956 г. Н. С. Маслова опубликовала рисунок нарукавника (передника) из коллекции великого князя с указанием места его бытования — у «русского населения Крутоберёзовской вол. Томской губ. 186[8] г.» (курсив наш) [12. Рис. 53–3. С. 651].

⁶ ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 866. Л. 141–142.

⁷ Паллас писал о Бобровской защите, «где выстроена большая деревня, населенная Польскими поселянами. (...) В 21 версте далее лежит Сентовский редут и почти на 300 сажен от него находится польское селение, сим же именем называемое» [14. С. 271]. Вероятно, деревню следует назвать *Сентовка* [?]. Ядринцев называет ее *Сектовкой* [22. С. 99]. Но поселение находится на ручье *Кисовском* [14. С. 272], который на современных картах обозначен как *Секисовка*.

⁸ К Риддерской волости в 1898 г. относились 6 поселений: деревни Черемшанка, Бутакова, Поперечная, Стрежная, Пихтовка и с. Орловка [21. С. 21].

⁹ Села старообрядцев-«поляков» (сверху вниз): *Верх-Убинская* (= *Лосиха*) — центр Крутоберёзовской волости (адрес коллекции великого князя (1848 г.): рубахи (ил. 1) и шляпы (ил. 3)), две деревни Владимирской волости Змеиногорского уезда: *Быструха* — адрес рубахи 5091–17, ил. 3), *Секисовское* — бывший Сентовский редут казачьей оборонительной линии (1747 г.), затем поселение старообрядцев-«поляков», переселенцами из которого основано 10 поселений «поляков»; *Бутачиха* — деревня Риддерской волости Змеиногорского уезда (где сделана фотография, см. ил. на 2-й с. обложки).

¹⁰ Подробнее см.: [4. С. 8, 206].

¹¹ Отметим, что шляпа датирована серединой XIX в., несмотря на то что в качестве даты поступления коллекций А. Н. Белослюдова в РЭМ указан 1925 г.

¹² <http://ethnomuseum.ru>

¹³ Russian traditional hat “Grechnevik” [= Русская традиционная шляпа «Греч-

невик»] // English Russia, 2006–2018. Опубликовано 2 августа 2007 г. URL: <http://englishrussia.com/?p=1155>.

¹⁴ Современные адреса сел старообрядцев-«поляков» в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан: Бутачиха = с. Бутаково на реке Ульбе, относится к городской администрации г. Риддера; села Быструха и Секисовское ныне входят в Глубоковский район; Верх-Убинское = с. Верх-Уба — в Шемонаихинский. То есть село, в котором располагалось Крутоберёзовское волостное правление, находится в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, а не в Алтайском крае.

¹⁵ В поселениях Сувалкского воеводства до наших дней сохраняется традиция «русской Польши». В 1992 г. Н. М. и И. А. Савельевы в фольклорной экспедиции записали от местного населения русские свадебные, «караводные» и лирические песни. Записи хранятся в Научном центре народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского (см.: [16. С. 82]).

¹⁶ Фотоотпечаток (112,4 × 148,5 мм) из Омского краеведческого музея имеет повреждения — разрывы в нескольких местах. Авторы статьи выражают благодарность Юлии Аркадьевне Сомовой, заместителю директора по научной работе ОГИКМ, за возможность ознакомиться и опубликовать фотографии из коллекции музея.

¹⁷ Материалы экспедиций фольклорного ансамбля «Красота» Новосибирского государственного университета.

¹⁸ См. раздел «Традиционная одежда «поляков»» в [19].

Литература

1. *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII–XVIII столетия): с приложением списка населенных мест Кольванской области за 1782 г. Томск, 1898.

2. *Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.* Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. (Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР; Сер. Казахстанская. Вып. 17).

3. *Булыгин Ю. С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.

4. В поисках Беловодья: [Фото]альбом / Науч. ред. Д. А. Баранов; авт. предисл. и аннот. к историческим фотографиям Д. А. Баранов, К. Ю. Соловьева; авт. ст., текстов легенд и аннот. к современным фотографиям А. Б. Островский, А. А. Чувьюров; фотографии А. В. Жилин, А. А. Чувьюров. СПб., 2010.

5. *Гахов В.* Царственные гости Томска // Томские новости: [Газ.]. 2006. № 316 (30 апр.).

6. *Гребенищikov Г. Д.* Река Уба и убинские люди: литературно-этнографический очерк Алтайский // Алтайский сборник. Барнаул, 1912. С. 1–80.

7. *Гуляев С. И.* Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845.

26 янв., № 20. С. 85–86; 27 янв., № 21. С. 89–90; 28 янв., № 22. С. 94–96; 3 февр., № 27. С. 117–118; 4 февр., № 28. С. 120–122; 6 февр., № 29. С. 125–126; 7 февр., № 30. С. 129–130.

8. Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея: [Каталог выставки] «Цари народам — народы царям» / Авт.-сост. и ред. Е. Г. Царева; науч. ред. В. Л. Янин. М.: СПб., 1995.

9. Карта Томской губернии Алтайского горного округа. Масштаб: 20 верст в английском дюйме. [Конец XIX в.] [Б.м.], [б.г.].

10. Липинская В. А. Села, деревни, поселки // Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 64–93.

11. Лысенко О. В. Этничность скрывается в деталях // Вещь в трансляции этничности: Материалы Семнадцатых Междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. науч. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко; ред. кол.: Д. А. Баранов и др. СПб., 2018. С. 172–176.

12. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале

XX в. / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1956. С. 543–757, 764–766.

13. Одежда народов СССР. Из коллекций Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград): Фотоальбом / Сост. Н. М. Калашникова, Г. А. Плужникова; фотосъемка С. А. Чехониной, О. Ю. Чехонина; худ. А. Л. Семёнов, В. Р. Орловский. М., 1990.

14. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. 2. Кн. 2: Физическое путешествие по разным провинциям Российской Империи, бывшее в 1771 г. / Пер. с нем. Ф. Томанского. СПб., 1786.

15. Пережогин А. А., Соболева Т. Н. Кольвано-Воскресенский (Алтайский) горный округ // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Гл. ред. В. А. Ламин. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 109.

16. Перечень экспедиционных и стационарных аудиозаписей основного Фонда Кабинета народной музыки Московской государственной консерватории / Сост. С. В. Голубков; ред. Н. Н. Гилярова. М., 1999. [Дополненный вариант на странице Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки официально сайта Московской консерватории: <http://www.mosconsrv.ru/upload/images/Documents/120430-lastlist-2019.pdf>].

17. Раманюк М. Беларускае народнае адзенне. Мінск, 1981.

18. Русский народный костюм: Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР / Авт. текста и сост. Л. Н. Молотова, Н. Н. Соснина. Л., 1984.

19. Традиционный костюм русских крестьян-староверов на Южном и Юго-Западном Алтае в первой половине XX века: Из фондов коллекций музея / Сост. и авт. вступ. ст. Т. Г. Шарабарина. Усть-Каменогорск, 2007.

20. Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1997.

21. Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 26. Омск, 1899. С. I–II, 1–92.

22. Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 2. [Отчет за 1879 год]. Омск, 1880. С. 1–147.

Сокращения

ГИАК — Государственный архив Алтайского края.

РЭМ — Российский этнографический музей.

ОГИКМ — Омский государственный историко-краеведческий музей.

Алексей Владимирович Христенко,
Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

АНТРОПОЛОГИЯ КУСТАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОЙ ПРАКТИКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Одним из аспектов общественной дискуссии, посвященной вопросам развития кустарной промышленности в пореформенной России, являлась терминологическая неопределенность понятия «кустарь». Отечественный кустарно-промышленный сектор представлял собой настолько сложное, многоукладное явление, что любые попытки «упорядочить» его как на практике, так и в теории обнаруживали свою уязвимость. Актуальная социально-антропологическая перспектива предлагает оптику, рассматривающую сельского мастера-кустаря в статусе носителя специальных знаний и навыков, которые передаются следующим поколениям и могут воспроизводиться в различных социально-экономических контекстах [4. С. 21, 23].

История модернизации кустарных промыслов дореволюционной России позволяет зафиксировать достаточно

выразительные тенденции «поворота к человеку», проявившиеся не только в теоретических дискуссиях, но и в соответствующих мероприятиях. Особый интерес представляют так называемые кустарные выставки и музеи, актуализировавшие различные формы коммуникации с сельскими мастерами в рамках государственной и земской кустарно-промышленной политики. В предлагаемой статье мы попытаемся прояснить специфические черты и стратегии данного взаимодействия, а также показать, каким образом в музейно-выставочной практике проявлялась внутренняя логика хозяйственного поведения кустаря, адаптировался к новым условиям его творческий потенциал.

В ряду неземледельческих занятий именно кустарная промышленность представлялась современникам наиболее управляемой, соразмерной

человеку отрасли хозяйственной деятельности, в отличие от городских отхожих промыслов обладавшей гораздо более мощным ресурсом для эволюционной адаптации сельского товаропроизводителя к новым экономическим условиям [8. С. 1]. Лейтмотивом проекта модернизации кустарно-промышленного сектора становилось акцентирование значения ручного труда как одной из феноменно-образующих характеристик кустарной формы производства, в значительной степени обеспечивающей ее конкурентоспособность в условиях набирающей обороты индустриализации. На государственном уровне всё более остро осознавалась необходимость разработки комплекса последовательных мер, направленных на комплексную поддержку и развитие промыслов. Характерной чертой отечественной модернизации стало усвоение западноевропейской музейно-выставочной практики¹, ориентированной на решение социально-экономических, политических, культурно-просветительных задач посредством объединения усилий и интересов мастеров, представителей художественного и научного сообществ, меценатов и промышленников, а также потребителей.

Опыт организации кустарных выставок свидетельствует о довольно серьезных затруднениях уже на этапе сбора коллекций. Появление в ку-